

Русский ихтиолог и советизация чехословацкой науки: случай профессора Б.С. Костомарова

М.В. КОВАЛЁВ

Институт всеобщей истории РАН, Архив РАН, Москва, Россия; kovalevmv@yandex.ru

В центре исследования находится фигура русского учёного-эмигранта, ихтиолога и гидробиолога Бориса Сергеевича Костомарова (1897–1974). Почти вся его научная карьера была связана с моравским городом Брно и располагавшейся там Высшей сельскохозяйственной школой. Уникальность случая Костомарова, в отличие от большинства эмигрантов, состоит в том, что он поступательно делал карьеру и в масариковской Первой республике, и во время немецкой оккупации, и в социалистической Чехословакии. После Второй мировой войны Костомаров стал активистом Коммунистической партии Чехословакии, сделал резкий карьерный рывок. На жизни и работе учёного во второй половине 1940-х — начале 1970-х гг. сосредоточена представленная статья. В ней делается акцент на участии Костомарова в советизации чехословацкой науки и высшего образования, предпринимается попытка понять мотивы его поступков, проанализировать его отношение к ключевым событиям послевоенной чехословацкой истории, включая Пражскую весну. Особое внимание уделено взаимоотношениям Костомарова с коллегами, а равно с партийными и государственными органами. Пример Костомарова был нетипичен для русских эмигрантов, его успешная карьера не имела аналогов. Несмотря на ряд поступков, сомнительных с моральной точки зрения, злодеем в науке его назвать нельзя. Нет никаких свидетельств о прямом участии Костомарова в идеологических кампаниях, причастности к репрессиям и удалению конкурентов из профессии. Его уместнее считать молчаливым соучастником советизации чехословацкой интеллектуальной жизни. Причём это соучастие сочеталось с пропагандой реальных достижений российской и советской биологической науки, а также с проведением актуальных исследований. Невзирая на неоднозначные поступки в социалистический период, Костомаров бесспорно принадлежал к числу лиц, оставивших глубокий след в послевоенной чехословацкой науке.

Ключевые слова: Б.С. Костомаров, ихтиология, гидробиология, советско-чехословацкие научные связи, Брно, советизация науки и образования.

Связи отечественных биологов с чешскими и словацкими коллегами имеют давнюю историю. Своими корнями они, вероятно, восходят ещё ко временам зна-

менитого богемского естествоиспытателя Яна Евангелисты Пуркине (1787–1869) (Григорьян, 1988). Интеллектуальный обмен не прекращался даже в пору исторических испытаний. Так в межвоенной Чехословакии в 1920–1930-е гг. сложился особенный синтез двух национальных научных традиций, связанный с присутствием русских учёных-эмигрантов. Они создавали собственную научную инфраструктуру, как в случае с Зоологическим семинаром профессора Михаила Михайловича Новикова (1876–1965) (Ульянкина, 2015, с. 215–237), преподавали в чешских и словацких высших школах, проводили совместные исследования с местными учёными. Значимость эмигрантского следа в истории чехословацкой биологии не раз подчеркивалась исследователям (Janko, 1997, s. 358–359; Hermann, Kleisner, 2005a; 2005b). Одновременно чехословацкое учёное сообщество межвоенного периода пристально следило за развитием биологической науки в СССР, особенно за работами И.П. Павлова, Н.К. Кольцова, Н.И. Вавилова. Вполне закономерно, что в исследованиях о российско/советско-чехословацких научных связях именно 1920–1930-м гг. отводится исключительное место. Нередко акцентируют внимание на том, что Вторая мировая война поставила своеобразную точку в истории Зарубежной России. Прага утратила статус интеллектуального центра русской эмиграции. В качестве доказательства приводятся факты отъезда из Чехословакии на Запад крупных русских учёных, а также аресты и этапирование в СССР ряда видных эмигрантов.

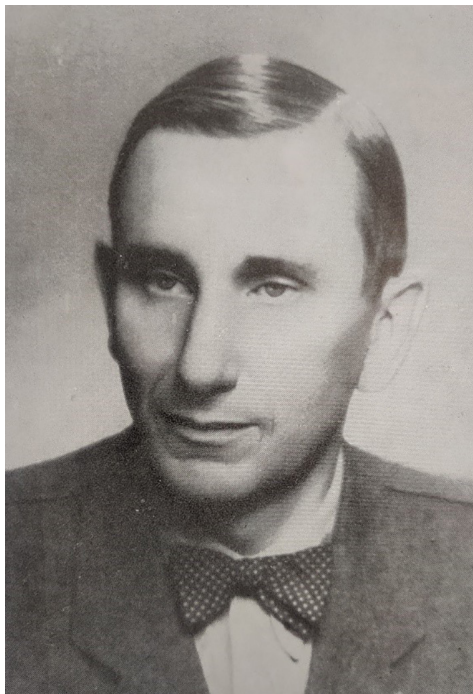

Рис. 1. Профессор Борис Сергеевич Костомаров. (1960-е гг.?)¹

Fig. 1. Professor Boris Sergeevich Kostomarov. (1960s?)

¹ Acta Universitatis Agriculturae. Facultas Agronomica. 1967. T. XV. № 2, вклейка.

На этом фоне практически не исследованной остается судьба тех русских учёных, кто после 1945 г. продолжал жить и работать в Чехословакии. Послевоенный период почти полностью выпадает из поля исследовательских рефлексий. Возникает закономерный вопрос о том, как реагировали оставшиеся в Чехословакии русские учёные на переломные события в жизни страны, связанные с процессами советизации, были ли они их наблюдателями или прямыми участниками, как отражались переживаемые трансформации на исследовательской работе и карьерных путях, как складывались отношения с чехословацким окружением, в том числе с коммунистическими властями. Найти общий ответ на эти вопросы непросто, но тем важнее проанализировать и оценить индивидуальные стратегии русских учёных в социалистической Чехословакии.

Биография ихтиолога и гидробиолога, профессора Бориса Сергеевича Костомарова (1897–1974) даёт в этом смысле уникальный пример. Среди русских эмигрантов едва ли найдется человек, который успел побывать и добровольцем в деникинской армии, и организатором демократического студенческого кружка в масариковской Первой республике, и активистом Коммунистической партии Чехословакии. Особо отметим, что послевоенная биография Костомарова окажется неразрывно связанной с советизацией чехословацкой биологической науки и высшего образования, и в эти процессы он будет непосредственно втянут. Все это делает Костомарова одной из самых парадоксальных фигур в истории российско-чехословацкого научного диалога и требует критического изучения его послевоенной научной биографии.

Костомаров, родившись в Российской империи, начав образование в Московском сельскохозяйственном институте у Л.С. Берга, С.А. Зернова и Ф.И. Баранова, был занесён вихрями революции и Гражданской войны на чужбину. Весной 1922 г. он оказался в Чехословакии. Почти вся его жизнь и научная деятельность будет связана с моравским городом Брно². Там он завершил образование в Высшей сельскохозяйственной школе, защитил диссертацию, вошёл в круг молодых и амбициозных чехословацких биологов, таких как Ян Подградский (1897–1969) и Ярослав Кржиженецкий (1896–1964). Вместе с ними успешно реализовывал крупные научные проекты, в числе которых особое место занимало создание в 1926 г. Рыболовно-гидробиологической станции (на территории бывшего имения графа Франтишека Гарраха в Велке Мезиржичи. Научные исследования Костомарова, в первую очередь в области разведения карпа, заслужили высокое признание коллег. Во второй половине 1930-х гг. он проявил себя и как организатор науки, занимая руководящие посты на научно-исследовательских станциях в словацком городе Липтовски-Градок, а затем в Ужгороде. Однако именно после Второй мировой войны карьера учёного сделала резкий рывок вперед.

В 1945 г. Костомаров прошел процедуру хабилизации³ в Высшей сельскохозяйственной школе (далее — ВСШ) в Брно. Специальная комиссия постановила

² О жизни и научной деятельности Костомарова в межвоенной Чехословакии см. подробнее специальную статью, раскрывающую его становление как учёного, показывающую его постепенное отдаление от русских эмигрантских кругов и, напротив, интеграцию в круги чехословацкие: (Ковалев, 2020).

³ В чехословацкой практике под ней подразумевалась процедура получения высшей академической квалификации. Она следовала после защиты докторской диссертации. Специальная комиссия рассматривала представленные научные труды соискателя.

присвоить соискателю звание *veniae docendi*⁴. В октябре 1945 г. он назначен доцентом, но уже 2 июня 1946 г. рекомендован к представлению экстраординарным профессором рыбного хозяйства и гидробиологии⁵. Правда, в этой должности он будет утверждён лишь с 1 августа 1948 г. Некоторые чехословацкие коллеги говорили, что прохождение процедуры хабилитации состоялось во многом благодаря поддержке и стараниям старого друга Кржиженецкого, но в то же время отмечали, что ВСШ в Брно поспешила с предложением, которое пражская школа давно планировала, но так и не реализовала⁶.

Из белогвардейца в коммунисты

В том же 1945 г. в жизни Костомарова произошёл ещё один поворот, резкий и неожиданный. 21 августа 1945 г. он стал членом Коммунистической партии Чехословакии (далее — КПЧ)⁷. Это событие окажет решающее влияние на всю его последующую карьеру. Тогда же он вступил в Союз друзей СССР в Чехословакии, на основе которого в 1948 г. будет образован Союз чехословацко-советской дружбы. Он был первым преподавателем, кто настаивал на необходимости развития научных связей с СССР и инициировал создание при ВСШ первого среди всех высших школ Брно отделения Союза. В 1946 г. Костомаров становится членом Революционного профсоюзного движения, которое превратилось в единую профсоюзную организацию Чехословакии. В 1946—1947 гг. Костомаров входил в состав Комитета местной организации КПЧ в Брно. Подобные комитеты создавались по инициативе первичных партийных организаций в городах или сельских округах⁸. Таким образом Костомаров активно включился в деятельность партии. В автобиографии учёный подчеркнёт, что ещё в студенческие годы был сторонником социалистических идей, что основал в Брно союз студентов-демократов, председателем которого был до 1926 г.: «У тогдашней русской эмиграции был известен как социалист и большевик»⁹. Было ли вступление в компартию шагом искренним, продиктованным личными убеждениями? Ответить на данный вопрос непросто. Вторая мировая война изменила отношение части русской эмиграции к СССР. Многие прониклись патриотическими настроениями, пытались переосмыслить свою прежнюю политическую позицию. Случай Костомарова примечателен тем, что он не просто примкнул к КПЧ, но сделался её активистом. Однако он вступил в её ряды до того, как она взяла власть в

Успешное прохождение хабилитации открывало в дальнейшем путь к занятию профессорской должности.

⁴ Archiv Mendelovy univerzity v Brně (далее — AMU). Fond Mendelova univerzita Brno — rektorát. Krab. 117. Inv. jedn. 198/331; Fond Agronomická fakulta MENDELU Brno. Kart. 112. B. Kostomarov. В использованных материалах из Архива Менделова университета в Брно не пронумерованы страницы (что вписывается в существующую чешскую архивную практику), потому автор вынужден здесь и далее ссылаться лишь на единицы хранения.

⁵ AMU. Fond Agronomická fakulta MENDELU Brno. Kart. 112. B. Kostomarov.

⁶ AMU. Fond Mendelova univerzita Brno — rektorát. Krab. 117. Inv. jedn. 198/331.

⁷ Ibid.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid.

Чехословакии в свои руки, потому прямое политическое приспособленчество в его поступке разглядеть непросто.

Возьмём на заметку примечательный факт из биографии учёного. Профессор-ботаник Отакар Полак (1907–1987) в служебной записке от 9 ноября 1952 г. свидетельствовал, что Костомаров лично встречался с советскими дипломатами А.Ф. Сизовым и И.А. Чичаевым, а также с профессорами Турбиным и Бобровым, которых нисколько не смущал тот факт, что они имеют дело с бывшим эмигрантом. Одновременно Полак делал акцент на близких отношениях Костомарова и Чичаева, у которых было несколько неофициальных встреч¹⁰. Что касается профессоров, то речь, вероятно, идёт о генетике Николае Васильевиче Турбине (1912–1998) и ботанике Евгении Григорьевиче Боброве (1902–1983), секретаре знаменитой серии «Флора СССР». Примечательны фигуры упомянутых дипломатов. Александр Фёдорович Сизов (1905–1962) был не только внешнеполитическим работником, но также военным и разведчиком. С началом Великой Отечественной войны он служил в советских военных миссиях в Великобритании и США, был военным атташе посольства СССР при союзных правительствах Польши, Югославии и Чехословакии. В 1946–1949 гг. занимал пост военного атташе при советском посольстве в Праге. Иван Андреевич Чичаев (1896–1984) тоже был сотрудником внешней разведки. Осенью 1941 г. он был направлен в Лондон для координации совместных действий с британской разведкой. В мае 1945 г. Чичаев получил назначение резидентом в Чехословакии, поскольку во время войны сумел установить хорошие связи в кругах чехословацкого эмигрантского правительства и пробыл в Праге до 1947 г. Получается, бывший белогвардеец Костомаров, ставший членом КПЧ, имел близкие контакты с представителями советской разведки. Однако дать более глубокое толкование этому факту в свете скудности известных и доступных источников пока не представляется возможным.

Обратим внимание на важную характеристику, отражённую в июне 1948 г. в переписке доктора Рудольфа Фитлика, сотрудника НИИ рыбного хозяйства и гидробиологии в Праге, с профессором Милославом Валоухом (1878–1952), математиком и чиновником министерства образования и просвещения. Костомарову давалась следующая оценка:

а) Профессионализм в общем на высоком уровне; не хватает ему все же собственного направления, собственной оригинальной мысли. В своих настоящих работах он главным образом опирается на идеи других респондентов, дополняя выводы оригинальных трудов, на который он основывается. Сам он ничего нового не создал и, вероятно, едва ли создаст, судя по его предшествующей деятельности. Он опубликовал довольно много работ.

б) Личностно и политически доктор Костомаров является человеком, который всегда шел к своей карьере и в соответствии с этим приспособлялся. Он является русским беженцем. После Октябрьской революции 1917 г. стал, как он мне сам рассказывал, белогвардейским офицером. После бегства из России он попал в Чехословакию, где учился и добился достойного положения. Я полагаю, что до 1945 г. он ненавидел большевиков; это впечатление сложилось у меня из нескольких частных бесед с ним, которые, однако, имели

¹⁰ Ibid.

место лишь между нами двумя, и именно поэтому я вряд ли найду убедительные доказательства своему мнению. Сегодня доктор Б. Костомаров является членом компартии¹¹.

Добавим сюда цитату ещё из одной характеристики Костомарова, неподписанной и недатированной, но по содержанию относящейся к началу 1950-х гг.: «В поступках производит впечатление неискренности»¹². Причём эта фраза нарочито подчеркнута. Характеристика 1953 г. менее остра, но тоже показательна: «С личной точки зрения, он инициативный, амбициозный, иногда проявляющий склонность к интригам. Он отличный организатор, хороший оратор. Он дружелюбен в общении с людьми. Он немного тщеславный»¹³. Эти ремарки явно контрастируют с оценками из уже упоминавшийся записки профессора Полака, в которой говорится, что в первые послевоенные годы Костомаров горячо убеждал коллег в полной и искренней приверженности идеям партии и в давних симпатиях к СССР. В доказательство Костомаров приводил пример, как ещё в 1928–1929 гг. неоднократно писал в прессе об успехах советской науки¹⁴. Полак, кажется, был излишне наивен или же пытался представить коллегу в выгодном свете. Служебные характеристики всё же не без оснований упоминали о присущем учёному конформизме, интриганству и двоемыслию.

Советизация чехословацкой высшей школы

После прихода к власти коммунистов в феврале 1948 г. положение Костомарова упрочилось. По решению Профессорского совета ВСШ в Брно он приглашён занять должность профессора рыбного хозяйства и гидробиологии с 1 августа 1948 г. с ежемесячным окладом в 9 700 чехословацких крон¹⁵. Однозначно членство в партии сыграло весомую роль. Но всё же следует отметить высокую научную репутацию и публикационную активность Костомарова, его огромный опыт практических исследований. В период с 1925 по 1948 г. он опубликовал более 60 научных работ, что было весьма немало для той эпохи, учитывая трудности с изданием работ. Примечательно то, что он почти не публиковался на русском языке. Это свидетельствует о его некоторой отчуждённости от эмигрантского окружения и глубокой интеграции в местную среду. Высокая творческая активность была во многом связана с тем фундаментальным образованием, которое он начал в Москве, а завершил в Брно, соединением традиций разных научных школ. Впрочем, в первые послевоенные годы его более занимала не научная, а административная и политическая работа.

Ещё в конце февраля 1948 г. Костомаров стал членом Комитета действий Национального фронта в ВСШ. Такие комитеты создавались политическими активистами, в основном из рядов КПЧ, Революционного профсоюзного движения и Чехословацкого союза молодежи, на предприятиях, в учреждениях науки, культуры, образования, муниципальных службах. Их целью было изгнание с управленческих

¹¹ Ibid.

¹² Ibid.

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid.

должностей своих идейных противников и установление тотальной власти коммунистов. В конце 1948 г. Комитеты действий были преобразованы в Специальные четверки. В высших школах в их состав могли входить только коммунисты: председатель и заместитель председателя партийной организации факультета, председатель кадровой комиссии и надёжный профессор (Pulec, Kalendovská, 1996a; 1996b). Костомаров вошёл в состав такой четвёрки, которая с ноября 1951 по декабрь 1952 г. фактически руководила ВСШ. Профессор отметился и как активист профсоюзного движения: с момента прихода к власти коммунистов в феврале 1948 и по 1949 г. был председателем Производственного совета Центрального совета профсоюзов в ВСШ¹⁶.

Костомаров был в числе активнейших членов первичной партийной организации школы. Поскольку она была многочисленной, то делилась на подотделы, и главой одного из подотделов, 2-го, как раз сделался русский профессор. Он же стал председателем Клуба профессоров-коммунистов. В партийной характеристике Костомарова отмечалось: «Он идеологически зрелый, документы в порядке, он выполняет членские обязательства, иногда из-за занятости не может посещать собрания»¹⁷.

После прихода к власти коммунистов началась стремительная реорганизация чехословацкой ВСШ по советским образцам. В 1948/1949 учебном году впервые введены специальные вступительные экзамены для выпускников школ всех типов. Политическая благонадежность и социальное происхождение стали важнейшими условиями приёма. Тогда же введено обязательное политическое образование. Костомаров принимает участие в этом процессе. 20 января 1949 г. Министерство образования, науки и искусства специальным указом предписало учреждениям высшего образования создать комиссии по реформе образовательного процесса. Костомаров вошёл в состав такой комиссии при ВСШ. В сентябре 1949 г. он был избран деканом экономического отделения ВСШ, пробыв им до лета 1950 г.

По его инициативе организованы однолетние дополнительные курсы для выпускников по зоотехнике и рыбоводству. Они стали основой для создания в будущем отдельной специальности. Он же инициировал начало преподавания садоводства как самостоятельной дисциплины¹⁸. В 1949/1950 учебном году началась подготовка соответствующих специалистов. Важной частью совершенствования образовательной программы стала передача биологической станции в Леднице на Мораве в ведение ВСШ в Брно, созданной в 1922 г. по инициативе профессора Эмиля Байера как Биологическая станция высших школ Брно (Spurný, 2009, s. 7). В годы Второй мировой войны ей нанесён значительный урон, а потому полноценная работа была почти остановлена. Костомаров стал научным руководителем станции, а в конце 1951 г. договорился о её передаче в ведение ВСШ, что было удовлетворено постановлением министерства образования от 24 марта 1952 г. Тогда же был создан научный совет, а заведующим станцией назначен Богумил Лосос (1926–2002), один из учеников Костомарова (Kostomarov, Losos, 1962).

18 мая 1950 г. принят Закон № 58/1950 «О высших школах» (Zákon ze dne 18. května 1950 o vysokých školách, 1950), который ознаменовал радикальный переход к советской модели высшего образования. Правительственные меры предпо-

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ibid.

лагали, по сути, полную ликвидацию университетской автономии и академических свобод. Теперь вся полнота власти находилась в руках специально созданного Государственного комитета по высшей школе. Он становился консультативным, координирующим и контролирующим органом при министерстве. Все его члены назначались личным распоряжением министра на срок не более 3 лет. Причём не менее 2/3 из них должны быть университетскими преподавателями (Morkes, 1999, s. 116–117). Происходила решительная перекройка научно-образовательной инфраструктуры, насаждение организационной системы советских университетов, академий и институтов. В 1950/1951 учебном году в составе ВСШ образованы сельскохозяйственный и лесной факультеты. Сельскохозяйственный факультет вскоре был разделён на агрономический и зоотехнический. Происходила профилизация образования.

Чешский исследователь Франтишек Моркес показал, что едва ли не главным последствием трансформации стал переход к системе кафедр. Тем самым ликвидирована историческая традиция организации учебного процесса вокруг семинаров, просеминаров, институтов или клиник (у студентов-медиков). Кафедры должны были создавать предпосылки для коллективных форм работы, на них должны были работать преподаватели из одной научной сферы или из смежных областей. Заведующие кафедрами не избирались, а назначались министром по предложению Государственного комитета высшей школы (Morkes, 1999, s. 117). Костомаров в 1950 г. назначен руководить кафедрой зоологии, рыбного хозяйства и гидробиологии¹⁹.

Партийная организация сельскохозяйственного факультета предложила Костомарова на пост ректора ВСШ. Однако Отто Шлинг (1912–1952), влиятельный функционер, член ЦК КПЧ и глава областной партийной организации в Брно, это предложение не одобрил. Костомарову был доверен лишь пост проректора²⁰. В характеристике говорилось, что он предстаёт как «честный товарищ, добросовестный и скромный». Отмечалось, что в общении профессор дружелюбен, последователен во всём и бескомпромиссен. Он идеологически зрел, самоотверженно участвует в жизни партии, пользуется уважением среди коллег, а потому рекомендуется на пост проректора ВСШ²¹.

Почему первоначальное ходатайство коллектива не было поддержано и Костомаров не стал ректором? Можно предположить, что, несмотря на его партийную активность, новые власти Чехословакии настороженно относились к русскому эмигранту. Многие коллеги Костомарова подмечали неискренность его поступков, граничившую с конформизмом и изворотливым приспособленчеством. Симпатизировавший учёному профессор Полак описывал, как в 1948 г. функционер по фамилии Животский грозился Костомарову, что партийный контроль в очередной раз проверит его как бывшего белогвардейца²². Другим примером служит недовольство нескольких студентов организацией учебного процесса по курсу рыбоводства, случившееся в начале 1950 г. Локальный конфликт перерос в большой скандал. 11 января в 14:00 Костомаров позвонил проректору Карелу Елинеку

¹⁹ AMU. Fond Mendelova univerzita Brno — rektorát. Krab. 117. Inv. jedn. 198/331.

²⁰ Ibid.

²¹ Ibid.

²² Ibid.

(1900–1968). Тот немедленно спросил, что профессор делает для нормализации ситуации, и, не дожидаясь ответа, сказал, что недовольство студентов представляет собой глас народа: «Вы сбежали от одной революции и хотите снова сбежать. Помните, что вы — белогвардеец и что мы не можем терпеть буржуазно-капиталистические начинания». Елинек грозился сообщить обо всём в министерство и ЦК КПЧ. Затем он передал трубку одному из слушателей, который критиковал Костомарова около 1080 минут²³. Видимо, желая обезопасить себя, профессор неустанно публично пропагандировал советский опыт, заявляя, что именно там построена «превосходнейшая и прогрессивнейшая система высшего образования на всем свете»²⁴.

«Лысенковщина» в Чехословакии

Наряду с трансляцией советского опыта организации высшей школы происходила безудержная пропаганда достижений советской науки и их некритический перенос на чехословацкую почву. Печальной страницей истории чехословацкой биологии стало насаждение «мичуринской агробииологии» и погромная кампания против классической генетики (Janko, 1999; Franc, 2009). Как заметила чешская исследовательница Дубравка Ольшакова, «материализм стал единственно возможной и единственно идеологически правильной моделью интерпретации в биологии, в то время как генетика, ведомая менделевскими законами наследственности, была означена как “лженаучное учение” капитализма» (Olšáková, 2014, s. 181). «Лысенковщина» в Чехословакии приняла широкий размах, чему способствовало не только внешняя агрессивная научная пропаганда, но и внутренние процессы. Многие учёные стали «терпеливыми свидетелями и соглашателями, или даже активными пропагандистами новой агробииологии Мичурина» (Janko, 1997, s. 464). В Брно начинают приезжать советские научные представители. В 1949 г. ВСШ посетил генетик Николай Иванович Нуждин (1904–1972), один из идейных соратников Лысенко. Вовсю шла пропаганда успехов советской биологии и превознесение её успехов. Профессорский совет ВСШ 4 февраля 1949 г. выступил с предложением присвоить Лысенко звание почётного доктора. Министерство просвещения, науки и искусств в феврале 1950 г. эту идею одобрило, однако по неясной причине она не была претворена в жизнь.

Имя Костомарова как активного участника борьбы с «вейсманистами-морганистами» в документах не встречаем. Однако в 1952 г. он опубликовал статью «Мичуринско-лысенковские основы для племенного разведения рыб» (Kostomarov, 1952). Кажется, статья написана исключительно из конформистских соображений, ибо Костомаров в своих прежних работах выступал последователем классической генетики (Kostomarov, 1942a), прямо называя Г. Менделя в одной из статей «гениальным наблюдателем» (Kostomarov, 1942b, s. 526). В мемуарах профессора-энтмолога Далибора Повольного (1924–2004), который в молодости был прямым свидетелем идеологических кампаний в чехословацкой науке, говорится о карьерных и корыстолюбивых устремлениях Костомарова (Povolný, 2000, s. 92–93). Примечательно, что в списке публикаций профессора, составленном в 1957 г. его коллегой Подградским, пропагандистская статья 1952 г. фигурировать не будет (Podhradský,

²³ Ibid.

²⁴ Ibid.

1957, s. 375–378). Заметим, что процесс десталинизации в Чехословакии в 1950-х гг., в силу внутрипартийной специфики, будет протекать медленнее, нежели в СССР. Это отразится на биологической науке, критика идей Лысенко затянется (Šimůnek, Hossfeld, 2013).

Суровое испытание

Костомаров сосредоточил в своих руках множество административных, общественных и партийных должностей, что позволяло быть одной из самых влиятельных фигур в научной жизни Брно. Научный авторитет подкреплялся членством в различных научных обществах и союзах, таких как Моравское общество естествознания, Чехословацкое биологическое общество и Чехословацкая сельскохозяйственная академия. Его положение, несмотря на критику отдельных коллег и доносы в партийные органы, казалось прочным и незыблемым. 6 октября 1950 г. будет арестован О. Шлинг, не благоволивший Костомарову. Арест станет преддверием больших чисток в рядах КПЧ, завершившихся «Процессом Рудольфа Сланского», показательным судом в ноябре 1952 г. и казнью.

Но и для Костомарова всё едва не кончилось печально. 3 июня 1952 г. Областной секретариат Союза борцов за свободу обратился с письмом в Министерство национальной безопасности. В нём говорилось, что во время обработки кадрового материала была обнаружена записка Союза борцов за свободу о деятельности Костомарова в годы оккупации. Секретариат просил Прагу расследовать содержащиеся в ней факты и сообщить ответ²⁵. Речь шла о возможном сотрудничестве с нацистами. В результате в сентябре 1952 г. Костомаров был удалён с поста проректора. К сожалению, источники молчат о ходе расследования и не дают возможности подтвердить или опровергнуть обвинение. Всё же вероятно, что подозрения с учёного были сняты, ибо он не был уволен из ВСШ, сохранил за собой ряд ответственных постов, например, должность декана и заведующего кафедрой зоологии, рыбного хозяйства и гидробиологии. К слову, в 1972 г. он получит почётную награду от Чехословацкого союза антифашистских борцов за заслуги в борьбе с фашизмом²⁶. То есть от той самой организации, прямой предшественник которой в 1952 г. инициировал расследование против профессора.

Начало 1950-х гг. в истории ВСШ оказалось отмечено непрерывными реорганизациями и нововведениями, порой слепо копировавшими советские модели, а нередко осуществлявшимися под прямым контролем советских советников. Так, в 1952 г. при участии экономиста Николая Васильевича Нечаева пересмотрен учебный план школы. В 1951/1952 учебном году в ВСШ введена обязательная защита дипломных работ перед специальной комиссией, принято обязательное преподавание русского языка, учреждена военная подготовка для студентов, и даже начало и конец лекций предписано отмечать звонками. В 1952/1953 учебном году в качестве отдельного факультета к ВСШ присоединена упразднённая Высшая ветеринарная школа. Лесной факультет, напротив, переведён в Высшую строительную школу. Сельскохозяйственный факультет разделён на агрономический и зоотехнический.

²⁵ Ibid.

²⁶ Ibid.

Из числа студентов изгнаны представители сельских богачей и городской буржуазии. Учреждена аспирантура по советскому образцу и соответствующая система научных степеней. Было положено начало заочной форме обучения, создана кафедра физкультуры, а все факультетские общества окончательно упразднены. В 1953/1954 учебном году закреплено централизованное управление ВСШ и планирование научной работы, а при ректорате создан специальный научно-исследовательский отдел. Перечень подобных нововведений можно перечислять бесконечно.

Исследования на реке Моравице

Несмотря на плотную вовлечённость в общественную и административную жизнь, Костомаров не прекращал заниматься научной работой. Он продолжал разрабатывать и совершенствовать методики разведения карпа, в частности изучал дозы гормонов гипофиза для оптимального нереста и их влияния на стимуляцию созревания половых клеток рыб, занимался вопросами биометрии карпа, которые волновали его ещё в 1935–1940 гг. В 1950 г. возглавляемая Костомаровым кафедра зоологии, рыбного хозяйства и гидробиологии взяла на себя долгосрочную задачу по ихтиологическим исследованиям в проточных водах Моравии и Силезии с целью улучшения управления рыбным хозяйством. Первоначальные задачи изучения ихтиофауны дополнены исследованием качества воды для промышленных и бытовых нужд города Остравы, где велось ускоренное строительство Нового металлургического завода имени Клемента Готтвальда. Для этого на реке Моравице около Кружберка в 1948–1955 гг. было построено специальное водохранилище с плотиной.

100-километровая река Моравице, протекающая в Моравско-Силезском крае, стала важнейшим полигоном для одновременных исследований в сфере гидробиологии, ихтиологии, гидрохимии и бактериологии. Нельзя сказать, что до Костомарова речные объекты не изучались. Он имел важного научного предшественника в лице знаменитого чешского натуралиста Антонина Фрича (1832–1913), который с конца 1850-х гг. занимался ихтиологией и составил первую карту распространения различных рыб в реках Богемии (Janko, 2006, s. 124–126). Новаторство подхода Костомарова и его группы состояло в том, что теперь ихтиофауна изучалась не сама по себе, а в контексте взаимодействия с окружающей средой, и особенно в связи с загрязнением водоёмов.

Ещё в 1936 г. Костомаров сделал первые попытки исследовать воздействие промышленного загрязнения вод на речную фауну. Тогда модельным полигоном послужили верховья Влтавы от деревни Фримбурк до Тын-над-Влтавой. Это было оригинальное коллективное исследование, которым был очерчен путь к решению важных научных и одновременно общественных, экономических проблем, связанных с последствиями промышленного загрязнения вод (Kostomarov, Sedlmayer, Kořán, Sýkora, Nowak, Dechant, Tejška, 1937). Однако дальнейшему развитию этого направления помешала Вторая мировая война.

Уже на первых этапах исследований на реке Моравице в 1952 г. отчётливо осознавалась сложность и многомерность будущих задач. Это потребовало разработки комплексного плана работ, представленных, в духе времени, в форме «социалистических обязательств». Костомаров заручился поддержкой Силезского исследова-

тельского института в Опаве, а также доктора Яна Чермака (1903–1988), руководителя строительства плотины на Моравице. 9 апреля 1953 г. на совещании представителей различных отраслевых организаций и научных учреждений утверждён план исследований. Он включал долгосрочный график полевых работ, в том числе время и места отбора проб, лабораторных анализов и описание исследовательских методик. План работ был составлен на период до 1 января 1955 г. К 30 июня 1955 г. группой планировалось представить комплексный отчёт. Важнейшая задача исследования реки Моравице и её притоков состояла в том, чтобы определить степень чистоты воды от истоков до места впадения в Кружберкское водохранилище, которое считалось резервуаром питьевой и хозяйственной воды для Остравы. Детальный химический анализ воды был дополнен мониторингом её физических свойств. Биологические исследования проводились путём непрерывного отбора проб бентоса в различных биотопах, а также подробным изучением ихтиофауны. С практической точки зрения ставилась задача выявить и устранить источники загрязнения, скорректировать систему гидротехнического управления водохранилищем, чтобы максимально увеличить потребление биомассы, достичь устойчивого биохимического цикла веществ, предотвратив накопление мёртвого органического вещества и таким образом снизив стоимость очистки (Kostomarov, 1957).

Коллективом установлено, что устье реки Моравице носит характер мезосапробной зоны, т. е. по гидробиологическим признакам относится к загрязнённым зонам. Главной причиной загрязнения названы сточные воды, попадающие в реку через Подольский и Чёрный ручьи, а также из города Брждлична. С точки зрения рыбохозяйственных перспектив учёные рекомендовали создать в водохранилище ихтиофауну из сазана, линя и язя, питающихся преимущественно планктоном. Для регулирования их популяции предлагалось заселить хищных лососёвых рыб, а на участке выше водохранилища образовать зону обитания форели и хариуса с ограничением популяции подуста и голавля, предложено построить рыбный завод и рыбопитомник у села Слэзка Гарта (Kostomarov, Hochman, Losos, 1957). Как видим, тематика научных работ Костомарова развивалась, отражая общественные и государственные запросы в конкретных научных исследованиях прикладного плана. Успешные работы на реке Моравице способствовали проведению аналогичных исследований рек Свратка и Дие. Они же закрепили его связи с различными отраслевыми ведомствами и принесли новые важные знакомства.

«Он является одним из лучших экспертов...»

В 1953/1954 учебном году Костомаров стал членом Общества по расширению политических и научных знаний и популяризации науки. Оно было создано как идеологический институт с основной целью популяризации науки и техники. Однако со временем, благодаря своей тесной связи с отделом идеологической и пропагандистско-агитационной работы ЦК КПЧ, оно превратилось в одно из самых мощных издательских подразделений партийного аппарата (Olšáková, 2014, s. 15). В 1954/1955 учебном году кафедра Костомарова реорганизована: из неё была выделена кафедра зоологии, а сам он остался во главе кафедры рыбного хозяйства и гидробиологии. Профессор по-прежнему руководил рыбохозяйственной специализацией на зоотехническом факультете. В 1956/1957 учебном году Костомаров

избран заместителем председателя Рыболовной комиссии Чехословацкой академии сельскохозяйственных наук. В то же время он вошёл в состав учёного совета Лаборатории рыболовства в Братиславе. В характеристике на профессора Костомарова от 2 января 1956 г. читаем:

Он является одним из лучших экспертов. Он опубликовал ряд оригинальных научных работ. Многие из них, особенно недавние, руководствуются усилиями по оказанию помощи на практике. Он очень активен в издательстве и в остальном. С педагогической точки зрения его лекции оцениваются положительно как преподавателями, так и слушателями. Единственным недостатком является постоянное плохое произношение. <...> С личной точки зрения он инициативный, дружелюбный и амбициозный. У него отличные организаторские способности, которые он использовал при строительстве рыбоводческого института. У него хорошее отношение к труду, и он может создать вокруг себя хороший преподавательский коллектив. Он ведет своих младших коллег к научной работе и руководит их подготовкой. Это дает младшим коллегам возможность заявить о себе как в сфере педагогики, так и в сфере научных работ²⁷.

Ещё в одной характеристике, датированной 22 июня 1956 г., говорилось:

Он обладает значительными знаниями марксизма-ленинизма, которые может применять в политической, педагогической и научной деятельности. Он политически зрел и имеет одобрительное отношение к нашему народно-демократическому строю. Политику партии и правительства он всегда отстаивает и среди беспартийных. Он следит за внутренними и зарубежными событиями и посредством дальнейшего систематического изучения углубляет политические знания²⁸.

В 1956 г. Костомаров назначен проректором по учебной работе, что, кажется, свидетельствовало о полном возврате доверия после истории с расследованием в 1952 г. Тем не менее при рекомендательном тайном голосовании на Совете школы, состоявшемся в конце мая 1956 г., из 15 присутствовавших членов 9 голосовали за, а 6 — против²⁹. На посту проректора он пробудет до 31 августа 1958 г.³⁰

Научная работа Костомарова в 1950-х гг. была тесно связана с активными контактами в сфере быстро развивающегося рыбоводческого хозяйства. Его исследования имели чётко выраженную практическую направленность, а потому получали государственную поддержку. Обширные связи, например, с руководством отдела рыболовства при Чехословацком государственном хозяйстве, позволяли ему беспрепятственно внедрять свои разработки. По его инициативе созданы две опытные станции, современная лаборатория биохимического контроля в Погоржелице, где новые методы интенсификации рыбного хозяйства испытывались и внедрялись. Костомаров инициировал проведение в ВСШ в 1965 г. национальной конференции по проблемам ихтиологии и рыбоводства. В ходе совещаний была определена го-

²⁷ Ibid.

²⁸ Ibid.

²⁹ Ibid.

³⁰ AMU. Fond Agronomická fakulta MENDELU Brno. Kart. 112. B. Kostomarov.

довая потребность в соответствующих специалистах вплоть до 1980 г. и обсуждены способы улучшения профессиональной подготовки.

В интерьере социалистической науки

В 1958 г. Костомаров впервые поехал в СССР, где в дальнейшем побывает ещё не раз (1961, 1965, 1968, 1969). Он посещал Москву, Ленинград, Киев, встречался с коллегами-ихтиологами, но конкретных имён документы не доносят. Упоминаний о встречах с Костомаровым мы не находим в архивных материалах советских учёных, бывавших в Брно. К сожалению, документы о таких поездках вообще не всегда сохранялись. Так, в личном фонде Н.И. Нуждина в Архиве РАН (Ф. 1660) свидетельства о его визите в Брно в 1949 г. не выявлены. Нет нужных данных и в дневниковых записях зоолога Меркурия Сергеевича Гилярова (1912–1985), посещавшего Брно в 1950-х гг.³¹ В те же годы бывал в Чехословакии и знаменитый паразитолог академик Константин Иванович Скрябин (1878–1972): сначала в ноябре — декабре 1953 гг. как глава делегации на месячнике Чехословацко-советской дружбы³², затем в мае 1959 г. как почётный гость на юбилее ВСШ³³. В ходе второй поездки вместе с ним приезжал профессор Тимирязевской сельскохозяйственной академии Михаил Григорьевич Чижевский (1896–1964). Оба советских учёных тогда были удостоены степеней докторов *honoris causa* ВСШ. В личном фонде Скрябина имеются многочисленные документы об этих поездках³⁴, но имя Костомарова не упомянуто нигде. Не называют его и советские учёные, приезжавшие в Брно в 1965 г. на 100-летний юбилей открытия Менделя (Медведев, 2012а, 2012б, 2013). Ситуация удивительна, ибо вряд ли советские гости обошли стороной своего соотечественника, тем более сделавшегося крупным администратором. Да и сам Костомаров вряд ли уклонялся бы от встречи с высокими гостями. Всё же знакомство с советскими коллегами кажется неоспоримым. О профессоре упоминали в советской научной литературе, и сам он публиковался на Родине (Костомаров, 1961).

В 1950-е гг. Костомаров активно интегрируется в научную жизнь социалистических стран. В 1958 г. он совершил двухнедельную научную поездку в Польшу. В 1961 г. в Берлине будет опубликован немецкий перевод его учебника по рыбоводству 1958 г. — солидная книга с прекрасными иллюстрациями, охватывающая разные проблемы ихтиологии. Специально для этого издания Костомаров написал предисловие, которое отражало его интерес к проблеме загрязнения водоёмов промышленными и бытовыми стоками. Он указал на тяжёлые экологические последствия бурного промышленного развития и стремительной урбанизации. Однако вину за это полностью возложил на:

<...> хищническую эксплуатацию» ресурсов в предшествующий период: «Эпоха капитализма с его хищнической и безжалостной эксплуатацией человека и природных ресурсов

³¹ Архив РАН (далее — АРАН). Ф. 1944. Оп. 1. Д. 97. Л. 1–38.

³² АРАН. Ф. 1659. Оп. 3. Д. 236. Л. 1–46.

³³ АРАН. Ф. 1659. Оп. 3. Д. 245. Л. 3.

³⁴ АРАН. Ф. 1659. Оп. 3. Д. 235, 236, 245; Оп. 4. Д. 600, 772, 1059, 1398, 1583, 1725, 1861, 2212.

страны и его хаотической экономической политикой, которая была нацелена только на обогащение отдельной личности за счет всего общества, также оставила тяжелое наследство для наших вод. <...> Безжалостное загрязнение водотоков также привело к сокращению популяции рыб (Kostomarov, 1961, s. 9).

В духе времени он говорил о том, что «первая задача построения социализма на нашей родине — быстро ликвидировать катастрофу, вызванную капиталистическим режимом» (Kostomarov, 1961, s. 10). Конечно, с позиций сегодняшнего дня легко упрекать Костомарова за подобные лозунги, но не будем забывать, что в советской науке того времени делались ещё более абсурдные ремарки, без которых книга не имела шансов выйти из печати. Если же отрешиться от идеологизированного предисловия, то за ним следовал взвешенный научный текст, в котором поднимался широчайший круг проблем, от контроля видового состава ихтиофауны до гидроэкологического мониторинга. В 1967 г. Костомаров организовал и провёл в Леднице международную конференцию с участием специалистов из СССР, ГДР, Польши и Венгрии.

На закате карьеры

В 1967 г. Костомаров передал заведование кафедрой своему преемнику, доценту Ладиславу Хохману (1925–1995), оставив за собой членство в научных советах, а также обязанности профессора. Но в 1968 г. происходит новый поворот в его жизни. Началась Пражская весна, которую Костомаров воспринял критически. Августовские события 1968 г. он встретил, находясь в СССР. Вернувшись в Брно, он стал убеждать коллег в правильности и необходимости советской интервенции, за что был пристыжен³⁵. Костомаров поддержал политику «нормализации», в том числе проверку членов КПЧ на политическую благонадежность. Профессор Костомаров тоже прошёл её, по итогам получил новый партийный билет без всяких оговорок и без приостановления стажа в партии³⁶. Он вновь был назначен заведующим кафедрой рыбного хозяйства и гидробиологии и стал участником «консолидационных работ» в ВСШ. С 1 октября 1970 г. он вышел на пенсию, сохранив при этом за собой руководство кафедрой. После переговоров с руководством факультета для него был создан пост «внешнего заведующего». Такое назначение стало возможным по рекомендации партийной ячейки, которая характеризовала профессора как принципиального и требовательного педагога и как честного и справедливого человека. Но дело, думается, было не только в политической благонадёжности. Ещё в апреле 1969 г. специальная комиссия рекомендовала оставить его на работе как выдающегося эксперта и педагога. Особо отмечалась его роль в подготовке специалистов для рыбного хозяйства и непрекращающиеся научные поиски, к которым были отнесены эксперименты по акклиматизации новых видов рыб в Чехословакии. Впоследствии назначение несколько раз продлевалось, вплоть до сентября 1973 г.³⁷

За свои работы Костомаров был удостоен звания «Заслуженный профессор высшей школы», вскоре после его учреждения 5 декабря 1968 г. В рекомендации,

³⁵ AMU. Fond Mendelova univerzita Brno — rektorát. Krab. 117. Inv. jedn. 198/331.

³⁶ Ibid.

³⁷ Ibid.

подписанной деканом агрономического факультета профессором Франтишеком Себелой (1919–1997), говорилось о выдающемся вкладе Костомарова в разные сферы сельскохозяйственной науки, высшего образования, а также в популяризацию научных знаний³⁸.

Костомаров скончался 22 марта 1974 г. в Брно. Гражданская панихида состоялась 1 апреля 1974 г. в брненском крематории. На ней присутствовали вдова учёного, друзья и коллеги, а также руководство ВСШ, включая ректора и проректора. С прощальной речью выступил декан агрономического факультета профессор Ярослав Крейчирж (1928–1997). В духе времени он отметил не только значительные научные заслуги покойного, но также его идейность и партийность. Он был назван ведущим специалистом в области ихтиологии, усилиями которого в Брно была создана кафедра рыбного хозяйства и гидробиологии. В конечном счёте, образ Костомарова-учёного заслонял образ Костомарова-функционера:

Дорогие друзья! Сегодня мы прощаемся с профессором Костомаровым, с человеком, который проделал достойную работу для нашего факультета и школы, и который для нее и для в своей научной специальности жил до последнего момента. Мы прощаемся с осознанием того, что ушел человек редкостных личных качеств, человек самоотверженный, прямой, который сумел найти чистосердечное и искреннее отношение и к своим коллегам. Результаты его трудов, продолжение его традиции на нашем факультете являются гарантией того, что его вклад был успешным, что он будет жить в нашей работе в нашей школе и дальше (Крејсіř, 1974).

* * *

Б.С. Костомарову в истории российско-чехословацких научных связей было отведено совершенно особое место. Его трудно в полной мере отнести к культурному миру Зарубежной России, от которого он довольно рано дистанцировался. Он принадлежал к числу тех молодых эмигрантов, кто уже к середине 1920-х гг. разочаровался в надеждах на скорое возвращение домой и предпочел интегрироваться в иностранную среду. Однако принятие чехословацкого гражданства и работа в местных научных и учебных заведениях не привела к отказу от русскости. Пример Костомарова среди прочих молодых эмигрантов уникален тем, что он смело шёл по карьерной лестнице и в масариковской Первой республике, и в Протекторате Богемии и Моравии, и в социалистической Чехословакии. Столь уверенная поступь объясняется не только несомненными научными успехами, но и сомнительными личностными качествами, не раз подмеченными современниками. Хотя злодеем и разрушителем в науке его назвать никак нельзя, конформистом он, безусловно, был. Тем не менее нет никаких свидетельств о прямом участии Костомарова в погромных идеологических кампаниях, причастности к репрессиям и удалению конкурентов из профессии. Его уместнее назвать молчаливым соучастником советизации чехословацкой интеллектуальной жизни. Причём это соучастие сочеталось с пропагандой реальных достижений российской и советской биологической науки.

Сложно сказать, родилось ли его приспособленчество под воздействием крутых виражей истории XX в. или было изначально присуще ему. Трудность оценок заключается в почти полном отсутствии автобиографических материалов Костомарова:

³⁸ Ibid.

дневников он не вёл, мемуаров не написал, судьба его личного архива неизвестна. Несомненно, он был фигурой сложной и противоречивой. Среди немногочисленных эмигрантов, оставшихся после Второй мировой войны в Чехословакии, лишь он один сумел сделать столь головокружительную карьеру. Рядом с ним можно поставить разве что украинца Григория Хомковича, который в 1945 г. также вступил в КПЧ, а в 1956–1958 гг. был ректором Высшей сельскохозяйственной школы в Нитре. Хотя масштаб его научно-практической деятельности тоже был немалым (Petráš, Petrášová, 1985), в общественно-политической активности и административном влиянии он заметно уступал Костомарову.

Ихтиология и гидробиология, которыми на протяжении всей жизни занимался Костомаров, за последние полвека сделали стремительный рывок вперёд. Однако это не даёт оснований сбросить со счетов результаты творческой деятельности русского профессора. Заслуга Костомарова состоит в том, что ему удалось создать прочный фундамент для последующих исследований. Он не был учёным-теоретиком, но значение его прикладных исследований для своего времени было велико. Причём это относилось как к межвоенному периоду, так и ко временам социалистической Чехословакии. Доказательством служит тот факт, что на агрономическом факультете Менделова университета в Брно продолжается подготовка специалистов в области рыборазведения и гидробиологии, инициированная в 1949 г. русским учёным. Таким образом, несмотря на спорные моменты биографии, невзирая на неоднозначные поступки в социалистический период, Костомаров бесспорно принадлежал к числу русских, оставивших глубокий след в чехословацкой науке.

Статья написана при поддержке гранта РФФ, проект № 20-78-10053. Благодарю за ценные консультации и помощь при написании статьи А. Миковцову (Менделов университет, Брно) и Ю.С. Решетникова (Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова).

Литература

Григорьян Н.М. Ян Евангелиста Пуркине и отечественная биология // Вестник Академии наук СССР. 1988. № 3. С. 140–146.

Ковалев М.В. К истории одной эмигрантской карьеры: ихтиолог Борис Сергеевич Костомаров (1897–1974) в межвоенной Чехословакии // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Вып. 12 (98). Ч. II [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840013182-9-1/> (дата обращения: 11.03.2021).

Костомаров Б.С. Значение индекса обхвата в селекции карпа // Рыбное хозяйство. 1961. № 5. С. 9–14.

Медведев Ж.И. Опасная профессия // Родина. 2012а. № 7. С. 23–25.

Медведев Ж.И. Опасная профессия // Родина. 2012б. № 12. С. 12–14.

Медведев Ж.И. Опасная профессия // Родина. 2013. № 2. С. 71–73.

Ульянкина Т.И. Михаил Михайлович Новиков. 1876–1964. М.: Наука, 2015. с.

Franc M. Úderná skupina?: výprava českých lékařů a přírodovědců do SSSR v roce 1950 ve světle dopisů Ivana Málka. Praha: Masarykův ústav a Archiv AV ČR, 2009. 143 s.

Hermann T., Kleisner K. Biolog Michail M. Novikov (1876–1965): Kapitola z dějin ruské vědy v emigraci // Český časopis historický. 2005a. Roč. 103. № 2. S. 313–353.

Hermann T., Kleisner K. The Five «Homes» of Mikhail M. Novikov // Jahrbuch für Europäische Wissenschaftskultur. 2005b. Bd. 1. S. 87–130.

Janko J. Vědy o životě v Českých zemích, 1750–1950. Praha: Archiv Akademie věd České republiky, 1997. 612 s.

Janko J. Nástup mičurinské biologie v českých zemích // Věda v Československu v letech 1945–1953 / Vyd. B. Zilynská a P. Svobodný. Praha: Karolinum, 1999. S. 447–457.

Janko J. Hydrobiologie v českých zemích: plod vlastenectví, praktických potřeb anebo součást imanentního vývoje vědeckého poznání? // Rozpravy Národního technického muzea v Praze. 2006. Sv. 200. S. 123–127.

Kostomarov B., Sedlmayer A., Kořán J., Sýkora L., Nowak W., Dechant E., Tejčka J. Studie o znečištění vody horní Vltavy. Praha: Nákladem Svazu pro ochranu čistoty řeky Vltavy a Jiných veřejných toků v C. Budějovicích, 1937. 120 s.

Kostomarov B. Několik nových poznatků v genetice kapra // Zemědělský archiv: časopis věnovaný vědě a praxi výroby zemědělské. 1942a. Roč. 33. Č. 3–4. S. 152–160.

Kostomarov B. O plemenném výběru v chovu kaprů // Zemědělský archiv: časopis věnovaný vědě a praxi výroby zemědělské. 1942b. Roč. 33. Č. 9–10. S. 523–541.

Kostomarov B. Mičurinsko-lysenkovské zásady pro plemenný chov ryb // Sborník Vysoké školy zemědělské a lesnické v Brně. 1952. Č. 1. S. 87–93.

Kostomarov B. Úvodní poznámky a plan výzkumu // Acta Universitatis Agriculturae et Silviculturae. Řada A. 1957. Č. 1. S. 3–6.

Kostomarov B., Hochman L., Losos B. Zhodnocení a aplikace provedeného komplexního výzkumu řeky Moravice // Acta Universitatis Agriculturae et Silviculturae. Řada A. 1957. Č. 1. S. 119–127.

Kostomarov B. Die Fischzucht. Berlin: VEB Deutscher Landwirtschaftsverlag, 1961. 375 s.

Kostomarov B., Losos B. Čtyřicetileté výročí Biologické stanice Vysoké školy zemědělské v Brně v Lednici // Acta Universitatis Agriculturae. Facultas agronomica. 1962. Řada A. № 3–4. S. 361–367.

Krejčíř J. Proslav děkana agronomické fakulty VŠZ v Brně prof. ing. Jaroslava Krejčíře, CSc., nad rakví prof. ing. dr. Borise Kostomarova // Acta Universitatis Agriculturae. Facultas Agronomica. 1974. Roč. XXII. №. 4. S. 817–818.

Morkes F. Zákony o vysokých školách z let 1948–1989 // Pedagogika: Časopis pro vědy o vzdělávání a výchově. 1999. Roč. XLIX. № 2. S. 115–127.

Olšáková D. Věda jde k lidu!: československá společnost pro šíření politických a vědeckých znalostí a popularizace věd v Československu ve 20. století. Praha: Academia, 2014. 678 s.

Petráš M., Petrášová D. Prínos Prof. Dr. Ing. Gregora Chomkoviča pre rozvoj zootechniky na Slovensku // Agrikultúra. 1985. Sv. 20. S. 143–166.

Podhradský J. Prof. Dr. Boris Kostomarov šedesátníkem // Acta Universitatis Agriculturae et Silviculturae. Řada A. 1957. Č. 3. S. 375–378.

Povolný D. Čurajcí Mikuláš a jiné paranormální history. Brno: Redakce časopisu Veronica, 2000. 98 s.

Pulec J., Kalendovská J. Akční výbory a poúnorová studentská očista na Masarykově univerzitě // Universitas: Revue Masarykovy univerzity v Brně. 1996a. Roč. 29. № 4. S. 32–38.

Pulec J., Kalendovská J. Poválečná zaměstnanecká očista na Masarykově univerzitě // Universitas: Revue Masarykovy univerzity v Brně. 1996b. Roč. 29. № 2. S. 38–45.

Šimůnek M.V., Hossfeld U. Trofim D. Lysenko in Prague 1960: A Historical Note // Историко-биологические исследования. 2013. Т. 5. № 2. С. 84–88.

Spurný P. 60 let specializační výuky rybářství na mzu v Brně // 60 let výuky rybářské specializace na Mendelově zemědělské a lesnické univerzitě v Brně: Sborník referátů z konference s mezinárodní účastí konané v Brně 2. a 3. prosince 2009. Brno: Mendelova zemědělská a lesnická univerzita v Brně, 2009. S. 6–11.

Zákon ze dne 18. května 1950 o vysokých školách // Sbírka zákonů republiky Československé. 1950. Č. 27. 3 června. S. 114–120.

A Russian ichthyologist and the Sovietisation of Czechoslovak science: the case of Professor B.S. Kostomarov

MIKHAIL V. KOVALEV

Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, RAS Archive, Moscow, Russia;
kovalevmv@yandex.ru

The article is dedicated to the biography of Boris Sergeevich Kostomarov (1897–1974), a Russian émigré scientist, ichthyologist and hydrobiologist. Almost all his life he worked in the Moravian city of Brno at the Higher Agricultural School. The uniqueness of the Kostomarov case, unlike the majority of émigrés, is that he progressively pursued a career in Masaryk's First Republic, during the German occupation, and in socialist Czechoslovakia. After World War II, Kostomarov became an activist of the Communist Party of Czechoslovakia, making a dramatic career breakthrough. This article focuses on his life and work in the second half of the 1940s — early 1970s, particularly on his participation in the Sovietisation of Czechoslovak science and education, and attempts to understand the motives of his actions, to analyse his attitude to key events in post-war Czechoslovak history, including the Prague Spring. Particular attention is given to Kostomarov's relations with colleagues, as well as with the Party and government bodies. Kostomarov's example was extremely atypical for Russian émigrés. His successful career associated with high integration in the Czechoslovak environment was perhaps unparalleled. Despite a number of morally questionable actions, he cannot be called a destroyer of science. There is no evidence of Kostomarov's direct participation in devastating ideological campaigns, nor was he involved in repressions and removing competitors from the profession. It is more appropriate to regard him as a tacit accomplice in the Sovietisation of Czechoslovak intellectual life. Moreover, this complicity was combined with the propaganda of real achievements of Russian and Soviet biological science as well as with conducting topical research. Despite his controversial actions during the socialist period, Kostomarov made a significant contribution to post-war Czechoslovak science.

Keywords: B.S. Kostomarov, ichthyology, hydrobiology, Soviet-Czechoslovak scientific relations, Brno, Sovietisation of science and education.

References

Franc M. (2009). *Úderná skupina?: výprava českých lékařů a přírodovědců do SSSR v roce 1950 ve světle dopisů Ivana Málka*, Praha: Masarykův ústav a Archiv AV ČR. (in Czech).

Grigor'ian N.M. (1988). Jan Evangelista Purkyně i otechestvennaia biologiiia [Jan Evangelista Purkyně and Russian Biology], *Vestnik AN SSSR* [Herald of the Academy of Sciences of the USSR], 3, 140–146 (in Russian).

Hermann T., Kleisner K. (2005a). Biolog Michail M. Novikov (1876–1965): Kapitola z dějin ruské vědy v emigraci, *Český časopis historický*, 103 (2), 313–353. (in Czech).

Hermann T., Kleisner K. (2005b). The Five «Homes» of Mikhail M. Novikov, *Jahrbuch für Europäische Wissenschaftskultur*, 1, 87–130.

Janko J. (1997). *Vědy o životě v Českých zemích, 1750–1950*, Praha: Archiv Akademie věd České republiky. (in Czech).

Janko J. (1999). *Nástup mičurinské biologie v českých zemích*. In Zilynská B., Svobodný P. (eds.) *Věda v Československu v letech 1945–1953*, Praha: Karolinum, 447–457. (in Czech).

Janko J. (2006). Hydrobiologie v českých zemích: plod vlastenectví, praktických potřeb anebo součást imanentního vývoje vědeckého poznání?, *Rozpravy Národního technického muzea v Praze*, 123–127. (in Czech).

Kostomarov B.S. (1961). Znachenie indeksa obkhvata v selektsii karpa [The value of the girth index in carp breeding], *Rybnoe khozjaistvo* [Fish Industry], 5, 9–14. (in Russian).

Kostomarov B. (1942a). Několik nových poznatků v genetice kapra, *Zemědělský archiv: časopis věnovaný vědě a praxi výroby zemědělské*, 33 (3–4), 152–160. (in Czech).

Kostomarov B. (1942b). O plemenném výběru v chovu kaprů, *Zemědělský archiv: časopis věnovaný vědě a praxi výroby zemědělské*, 33 (9–10), 523–541. (in Czech).

Kostomarov B. (1952). Mičurinsko-lysenkovské zásady pro plemenný chov ryb, *Sborník Vysoké školy zemědělské a lesnické v Brně*, 1, 87–93. (in Czech).

Kostomarov B. (1957). Úvodní poznámky a plan výzkumu, *Acta Universitatis Agriculturae et Silviculturae. Řada A*, 1, 3–6. (in Czech).

Kostomarov B. (1961). *Die Fischzucht*, Berlin: VEB Deutscher Landwirtschaftsverlag. (in German).

Kostomarov B., Hochman L., Losos B. (1957). Zhodnocení a aplikace provedeného komplexního výzkumu řeky Moravice, *Acta Universitatis Agriculturae et Silviculturae. Řada A*, 1, 119–127. (in Czech).

Kostomarov B., Losos, B. (1962). Čtyřicetileté výročí Biologické stanice Vysoké školy zemědělské v Brně v Lednici, *Acta Universitatis Agriculturae. Facultas agronomica. Řada A*, 3–4, 361–367. (in Czech).

Kostomarov B., Sedlmayer A., Kořán J., Sýkora L., Nowak W., Dechant E., Tejčka J. (1937). *Studie o znečištění vody horní Vltavy*, Praha: Nákladem Svazu pro ochranu čistoty řeky Vltavy a Jiných veřejných toků v C. Budějovicích. (in Czech).

Kovalev M.V. (2020). K istorii odnoi émigrantskoj kar'ery: ikhtiolog Boris Sergeevich Kostomarov (1897–1974) v mezhoennoí Chekhoslovakii [Towards the History of an Émigré Career: Ichthyologist Boris Sergeevich Kostomarov (1897–1974) in interwar Czechoslovakia], *Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istorija»* [Electronic Scientific and Educational Journal “History”], 11 (12–2 (98)). (in Russian).

Krejčíř J. (1974). Proslov děkana agronomické fakulty VŠZ v Brně prof. ing. Jaroslava Krejčíře, CSc., nad rakví prof. ing. dr. Borise Kostomarova, *Acta Universitatis Agriculturae. Facultas Agronomica*, 22 (4), 817–818. (in Czech).

Medvedev Zh.I. (2012a). Opasnaia professiia [A Dangerous Profession], *Rodina* [Motherland], 7, 23–25. (in Russian).

Medvedev Zh.I. (2012b). Opasnaia professiia [A Dangerous Profession], *Rodina* [Motherland], 12, 12–14 (in Russian).

Medvedev Zh.I. (2013). Opasnaia professiia [A Dangerous Profession], *Rodina* [Motherland], 2, 71–73 (in Russian).

Morkes F. (1999). Zákony o vysokých školách z let 1948–1989, *Pedagogika: Časopis pro vědy o vzdělávání a výchově*, 49 (2), 115–127. (in Czech).

Olšáková D. (2014). *Věda jde k lidu!: československá společnost pro šíření politických a vědeckých znalostí a popularizace věd v Československu ve 20. Století*, Praha: Academia. (in Czech).

Petráš M., Petrášová D. (1985). Prínos Prof. Dr. Ing. Gregora Chomkoviča pre rozvoj zootechniky na Slovensku, *Agrikultúra*, 20, 143–166. (in Czech).

Podhradský J. (1957). Prof. Dr. Boris Kostomarov šedesátníkem, *Acta Universitatis Agriculturae et Silviculturae. Řada A*, 3, 375–378. (in Czech).

Povolný D. (2000). *Čurající Mikuláš a jiné paranormální history*, Brno: Redakce časopisu Veronica. (in Czech).

Pulec J., Kalendovská J. (1996a). Poválečná zaměstnanecká očista na Masarykově univerzitě, *Universitas: Revue Masarykovy univerzity v Brně*, 29 (2), 38–45. (in Czech).

Pulec J., Kalendovská J. (1996b). Akční výbory a pouňorová studentská očista na Masarykově univerzitě, *Universitas: Revue Masarykovy univerzity v Brně*, 29 (4), 32–38. (in Czech).

Šimůnek M.V., Hossfeld U. (2013). Trofim D. Lysenko in Prague 1960: A Historical Note, *Istoriko-biologičeskie issledovaniia* [Studies in the History of Biology], 5 (2), 84–88.

Spurný P. (2009). *60 let specializační výuky rybářství na mžlu v Brně*, in: *60 let výuky rybářské specializace na Mendelově zemědělské a lesnické univerzitě v Brně: Sborník referátů z konference s mezinárodní účastí konané v Brně 2. a 3. prosince 2009*, (s. 6–11), Brno: Mendelova zemědělská a lesnická univerzita v Brně. (in Czech).

Ul'iankina T.I. (2015). *Mikhail Mikhaïlovich Novikov. 1876–1964*, Moscow: Nauka (in Russian).

Zákon ze dne 18. května 1950 o vysokých školách (1950). *Sbírka zákonů republiky Československé*, 27, 3 června, 114–120. (in Czech).